

2019/4(86)

# Дружная Дружеская



## ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

### ПРАЗДНИК ПЕРЕНЕСЕНИЯ ЧЕСТНЫХ МОЩЕЙ СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ИНОКИНИ АННЫ КАШИНСКОЙ



Торжества по случаю повторной канонизации преподобной и благоверной княгини инокини Анны Кашинской. Кашин. Июль 1909 года

**В** этом году праздник перенесения честных мощей святой благоверной великой княгини инокини Анны Кашинской совершался в 110-й раз после ее повторного прославления.

Отмена канонизации преподобной Анны соборами 1677 и 1678 годов не изменила отношения к святой угоднице русского православного народа. Верующие люди княгине Анне не изменили и память ее не предали, почитание святой продолжалось все 230 лет до повторного прославления преподобной, которое стало возможным благодаря ходатайству депутации кашинских граждан перед Государем Николаем II.

Кашинские ревнители памяти благоверной Анны были приняты Государем в Царском Селе осенью 1908 года, а на следующий день Святейший Синод заслушал доклад архиепископа Алексия, кашинского земства и горожан и вынес определение: почитание благоверной княгини Анны восстановить как это было до Собора 1677 года, а обер-прокурору предложить испросить согласие на это Государя.

7 ноября Государь утвердил это синодальное определение, а 11 апреля 1909 года Святейший Синод опубликовал долгожданное официальное «Послание к чадам Русской Православной Церкви о восстановлении



почитания святой благоверной княгини Анны» и назначил днем празднования этого события 12 июня.

Кашинские торжества вошли в историю Русской Церкви как событие, объединившее более сотни тысяч богомольцев, прибывших в небольшой город в Тверской губернии из разных концов матушки-Руси. Примечательно, что вместе с православными в торжествах принимали участие старообрядцы Белокриницкой иерархии и беспоповцы.

Особенное чувство духовной радости вызвало восстановление почитания преподобной у единоверцев, прибывших в Кашин большой делегацией и совершивших у раки мощей преподобной Анны всенощное бдение вечером 12 июня и архиерейскую Божественную литургию по древнерусскому богослужебному чину 13 июня.

Вот как повествует об этом священномученик Симон Шлеев на страницах своей книги «Единоверие в своем внутреннем развитии»:

«Благодаря любезному приглашению Тверского архиепископа Алексия, петербургские и московские единоверцы приняли участие в самих Кашинских торжествах. Накануне 12-го июня, с благословения местного владыки, они совершили всенощное бдение в Успенском соборе, возглавляемые Владимирским архиепископом Николаем и двумя викарными епископами. После литии, отслуженной совместно с православными на соборной площади, единоверцы перешли в Воскресенский собор, где, по благословению митрополита Владимира, пропели одно из величаний преподобной. В самый день восстановления почитания благоверной единоверческие священники участвовали в обнесении мощей преподобной кругом соборов.

Для выражения любви к благоверной и братского единения с православною Церковью единоверцы, с благословения местного владыки, совершили затем под 13-е и 13-го июня у раки святой Анны нарочитое «единоверческое» служение, к которому пригласили и православное духовенство. Службы отпра-

вляли: преосвященнейший Гермоген, епископ Саратовский, наблюдатель миссионерских курсов в Казани архимандрит Варсонофий, настоятель Никольской единоверческой церкви города Санкт-Петербурга священник Симеон Шлеев, благочинный единоверческих церквей Московской епархии священник Григорий Шлеев (единоведец), протоиерей города Торжка Иоанн Страхов (единоведец), Московский епархиальный миссионер отец Иоанн Полянский (православный), Курский епархиальный миссионер отец Иоанн Рябухин (священник православной церкви), священник Всехсвятского женского монастыря города Москвы отец Василий [Волков](единоведец), священник единоверческой церкви на Рогожском кладбище города Москвы отец Иаков Силин, священник Большеохтенской единоверческой церкви города Санкт-Петербурга Сергей Верховский; на всенощном бдении под 13-е июня сослужил еще и настоятель православного Омского кафедрального собора протоиерей А. Голосов. Собор, полный паломниками со всей матушки России, еще более наполнился, когда стало известно про единоверческую службу. Тысячи свеч горели у раки преподобной и у икон древней иконописи, коими украшен храм... Мощное раздалось по собору древнее пение предначинательного псалма. С клиросов попеременно неслись чудные звуки, то замирая где-то далеко-далеко, то возвышаясь с необычайною силою, проникали в религиозно настроенные сердца богомольцев. Народ, видимо, был доволен церковным исполнением, продолжительною, уставною службою. Он с глубоким вниманием прислушивался в продолжение первого получаса к пению 103-го псалма. А когда пели первый антифон 1-й кафизмы «Блажен муж», потом «Возвахи», а затем дивные стихеры преподобной с канонархом, то у многих заблестели слезы умиления. Православный народ понял чувства своих братьев-единоверцев. Вековое разномыслие куда-то отлетело прочь... На литии владыка Гермоген отлично выполнил древний чин Богослужения. Его проникновенный голос,



Делегация единоверцев – участников торжеств по случаю повторной канонизации преподобной и благоверной княгини инокини Анны Кашинской. Кашин. Июль 1909 года

чудное чтение молитв, благоговейное осенение крестным знаменем, смиренные, глубокие поклоны вызывали молитвенные вздохи как единоверцев, так и православных. Тем и другим как-то не верилось, что живут в полном сомнений XX веке. Какое-то таинственное облако XIII века – времени, когда жила святая Анна, спустилось на присутствующих. Чудные мгновения! После благословения хлебов следовало чтение отцом Симеоном Шлеевым на особый мотив эксапсалмов. Незабвенны те минуты, когда вся церковь осветилась морем свеч (во время Многомилостивого, согласно уставу, все были со свечами). С клиросов, при каждении владыки, полной волной неслись величественные звуки 134 и 155 псалмов: «Хвалите имя Господне...». Не успел еще замолкнуть последний аккорд дивного пения, как у раки благоверной освященный собор воспел в честь святой Анны величание! Все как один разом припали к раке святой жены, прося ее заступничества... Вот раздался могучий перезвон к Евангелию. Было уже 10 часов вечера. Чтение

канонов длилось около двух часов. Хорошее, отчетливое чтение отца Иакова Силина и псаломщика Иоанна Шлеева доставляло глубокое духовное наслаждение. Всенощная кончилась в 1 час ночи.

Восхищенные истовым служением своих братьев-единоверцев, богомольцы на другой день (13-го июня) задолго до начала литургии заполнили соборный храм. Литургия служилась по архиерейскому Чиновнику XV–XVI веков с выполнением всех особенностей <...>».

В течение всего 1909 года продолжалось чествование преподобной Анны единоверцами. Известно, что были написаны три иконы святой (возможно, их было и больше) с частицами ее мощей и дарованы единоверческим храмам Никольскому в Санкт-Петербурге и Никольскому в Москве, а также Михаило-Архангельскому в Михайловской Слободе.

О встрече иконы преподобной Анны Кашинской с частицей ее мощей в Михайловской Слободе рассказывает на страницах





После Божественной литургии в день 110-летия повторной канонизации благоверной княгини инокини Анны Кашинской. Храм Архангела Михаила села Михайловская Слобода. 25 июня 2019 года

своего дневника священнослужитель Михаило-Архангельского единоверческого храма священноиерей Стефан Смирнов:

*«14 ноября 1909 года. Уехал в Москву за святой иконой преподобной Анны. Приехал тятя (родитель отца Стефана — священноиерей Павел Иванович Смирнов — настоятель Георгиевской единоверческой церкви села Крутец Череповецкого уезда Новгородской епархии. — Прим. ред.) в гости с дядей отцом Павлом (дядя отца Стефана — священноигумен Павел (Смирнов) — казначей Никольского единоверческого монастыря в Москве. — Прим. ред.).*

*15 ноября 1909 года. Торжественная встреча святой иконы у Заозерья.*

*Народу очень много. Я шел почти всю дорогу из Москвы пешком и не чувствовал усталости. Погода совершенно зимняя.*

*16 ноября 1909 года. Торжественная служба преподобной в холодном храме, народу — полный храм и не столько своих прихожан, сколько чужих. После обедни были у Стефана Жагина, а вечером у старосты Субботина, был и тятя с дядей».*

Икону преподобной Анны Кашинской с частицей ее святых мощей, принесенную отцом Стефаном, всегда высоко почитали в храме Архангела Михаила. После его закрытия вместе с немногими другими иконами верующим удалось ее спасти. Она находилась в доме одной из прихожанок в деревне Кулаково, где собирались верующие для совершения богослужений по оставшимся у них древним книгам. Затем, когда хранить образ в доме стало небезопасно из-за участившихся случаев краж икон, ее увезли в Москву, откуда она была возвращена в храм Архангела Михаила в 1990 году и в настоящее время считается одной из главных святынь нашего храма.

Как и 110 лет назад, преподобная Анна высоко почитается единоверцами. Юбилей ее повторного прославления торжественно отмечался в Михайловской Слободе. В праздничном богослужении участвовали настоятель Михаило-Архангельского храма архимандрит Иринарх (Денисов), настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцово, руководитель Патриаршего

центра древнерусской богослужбной традиции, секретарь Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством протоиерей Иоанн Миролобов, клирики церкви Архангела Михаила протоиерей Евгений Саранча и Валерий Булычев, а также настоятель

единоверческого храма Владимирской иконы Божией Матери села Осташово священноинок Антоний (Аненко).

Радость торжества преподобной Анны Кашинской разделили многие богомольцы – прихожане храма Архангела Михаила, единоверцы из Москвы и Подмосковья.

## ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В СВЯТО-ТРОИЦКУЮ СЕРГИЕВУ ЛАВРУ И ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА АБРАМЦЕВО

**4** июля состоялась паломническая поездка прихожан единоверческого храма Архангела Михаила в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. В ней приняли участие 37 богомольцев, включая девятих воспитанников воскресной школы храма.

Священник Павел Флоренский свою статью «Троице-Сергиева Лавра и Россия», написанную в 1918 году, начал словами архиерея Павла Алеппского, посетившего Сергиеву обитель в XVII веке вместе с Антиохийским Патриархом Макарием и отзывавшегося о ней с восхищением как о прекраснейшем месте на земле. По его словам, церковь Святой Троицы так прекрасна, что «не хочется уйти из нее». Отец Павел Флоренский писал, что «здесь ощутительнее, чем где либо, бьется пульс русской истории, здесь Россия ощущается как целое. Лавра есть художественный портрет России. В церковном сознании Дом Живоначальной Троицы всегда сознавался и сознается сердцем России, а строитель этого Дома, преподобный Сергей Радонежский, особым покровителем, хранителем и вождем русского народа, может бы точнее было сказать – Ангелом-Хранителем России». Поэтому неслучайно, что в этом месте притяжения для всякого православного русского человека паломники из Михайловской Слободы бывали нередко. А десять лет назад, в 2009 году, в древнем Свято-Троицком соборе Лавры у раки преподобного Сергия по благословению Святейшего Патриарха



Паломники из Михайловской Слободы с насельником Троице-Сергиевой Лавры иеромонахом Трофимом (Судакевичем).  
4 июля 2019 года

Кирилла священнослужители и прихожане храма Архангела Михаила совершили молебное пение.

И в нынешний раз по прибытии в Лавру богомольцы прежде всего поклонились



лись мощам Преподобного. Вспомнились строки Ивана Шмелева из «Богомолья»: «Я вижу разные огоньки — пунцовые, голубые, розовые, зеленые... — тихие огоньки лампад. Не шелохнутся, как сонные. Над ними золотые цепи. Под серебряной сенью висят они, повыше и пониже, будто на небе звездочки. Мощи тут Преподобного — под ними. Высокий, худой монах, в складчатой мантии, которая вся струится-переливается в огоньках свечей, недвижно стоит у возглавия, где светится золотая Троица. Я вижу что-то большое, золотое, похожее

на плащаницу — или высокий стол, весь окованный золотом, — в нем... накрыто розовой пеленой. Отец приклоняет меня и шепчет: "В главку целуй"... Бледный палец высокого монаха, с черными горошинами четок, указывает мне прошитый крестик из сетчатой золотой парчи на розовом покрове. Я целую, чувствуя губами твердое что-то, сладковато пахнущее миром. Я знаю, что здесь Преподобный Сергей, великий Угодник Божий...»

Все время пребывания в Сергиевой обители паломников сопровождал



Посещение прихожанами храма Архангела Михаила усадьбы Абрамцево. 4 июля 2019 года

насельник Троице-Сергиевой Лавры, директор Патриаршего издательско-полиграфического центра иеромонах Трофим (Судакевич). В течение десяти лет отец Трофим во всякое посещение Лавры духовенством и прихожанами из Михайловской Слободы радушно встречает и оказывает всевозможную помощь. С 2017 года узы духовной дружбы укрепились тесным сотрудничеством – книга «Единоверческий храм Архангела Михаила села Михайловская Слобода», подготовленная издательством Михаило-Архангельского храма, была напечатана в типографии Троице-Сергиевой Лавры. А с 2018 года здесь же печатается и журнал «Правда Православия».

Для паломников из Михайловской Слободы отец Трофим провел познавательную экскурсию по типографии, подробно рассказав о всех этапах печатного цикла. Для единоверцев, являющихся хранителями и продолжателями древнерусской книжной традиции, осмотр типографии главной Лавры России представлял особый интерес. Чтение книг всегда являлось глубокой духовной потребностью русского православного человека, не мыслившего своей жизни без молитвы и богослужения. Поэтому богослужебные книги не просто переписывались в допечатную эпоху, но и художественно оформлялись как произведения искусства.

Кроме основного здания Свято-Троицкого собора михайлослободские богомольцы посетили примыкающие к нему Серапионову палату, хранящую множество святых мощей угодников Божиих и прочих реликвий, и придел во имя преподобного Никона Радонежского, Успенский собор и крипту, в которой погребены Святейшие Патриархи Алексей I и Пимен, храм преподобного Сергия Радонежского, в котором покоятся мощи преподобного Максима Грека, и Покровский храм Московской духовной академии. В ходе экскурсии иеромонах Трофим рассказывал о посещаемых храмах, их истории и современности.

Почти четыре часа проведенных в обители Преподобного, пролетели незаметно. Тепло попрощавшись с отцом Трофимом богомольцы отправились в находящуюся в двенадцати верстах от Лавры усадьбу Абрамцево.

Связь Троице-Сергиевой лавры и Абрамцево не случайна. По словам отца Павла Флоренского «не без вдохновений от Лавры и не без ее организующей мощи возникло и жило самое Абрамцево, взрастившее новое русское искусство».

Из увлекательного рассказа замечательных экскурсоводов паломники многое узнали из истории музея-усадьбы, расцвет которой до шестидесятых годов XIX века был связан с именем замечательного русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, автора трилогии «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Воспоминания» и известной всем сказки «Аленький цветочек», и часто гостившего у него Н.В. Гоголя, с 1870 до 1918 года принадлежавшей известному предпринимателю и меценату Савве Ивановичу Мамонтову. С усадьбой было тесно связано творчество Мамонтовского художественного кружка, среди участников которого художники М.М. Антокольский, В.М. Васнецов, А.М. Васнецов, М.А. Врубель, А.А. Киселев, К.А. Коровин, Н.В. Неврев, М.В. Нестеров, И.С. Остроухов, В.Д. Поленов, Е.Д. Поленова, И.Е. Репин, В.А. Серов.

Привлекают внимание не только картины и скульптуры этих художников, украшающие усадьбу, но прежде всего сохранившийся среди вещей той эпохи неповторимый дух старорусской жизни, ощущаемый также в художественных и фотографических портретах хозяев усадьбы. Этот, по словам С.Т. Аксакова, «прекрасный мирный, уединенный уголок» надолго останется в памяти сердца всех его посетителей.



## МОЛЕБЕН В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА РОЖЕСТВА ИОАННА ПРЕДОТЕЧИ В ВЕРТЯЧЕВЕ



*После молебна в день Рождества Иоанна Крестителя. Село Вертячево. 7 июля 2019 года*

**Е**диноверческий храм Архангела Михаила издревле посещали жители не только Михайловской Слободы, но и окрестных деревень Кулаково, Чулково, Дурнихи, входивших в состав прихода, а также Заозерья, Островцов и Вертячево.

30 лет назад, после возобновления богослужений в Михаило-Архангельском храме, были возрождены и другие добрые традиции приходской жизни, в том числе посещение духовенством и клирошанами домов прихожан в дни славления Христа и храмовых праздников, а также служения молебнов в населенных пунктах, окормляемых приходом.

Жители деревни Вертячево особенно почитают святого Иоанна Крестителя Господня, ибо неподалеку в селе Новорождественно был храм его имени. Церковь Иоанна Предтечи была закрыта и разрушена в годы гонений на веру Христову, но народное почитание Крестителя Господня не позволило предать забвению память о храмовом празднике.

В минувшем году по прошению жителей Вертячево Высокопреосвященнейший мит-

рополит Ювеналий благословил духовенство храма Архангела Михаила окормлять потомков единоверцев, напутствуя немощных Святыми Христовыми Тайнами в дни постов, совершая славление Христа и молебны в деревне.

7 июля 2019 года после совершения Божественной литургии в храме Архангела Михаила священнослужители и клирошане отправились в Вертячево для служения молебна в честь праздника Рождества Иоанна Предтечи. Богослужению благоприятствовала замечательная солнечная, но не жаркая погода. На водосвятном молебне присутствовали более сорока богомольцев. После окончания богослужения духовенство и церковнослужители посетили дома местных жителей с пением тропаря, кондака и величания святому Иоанну Крестителю.

Завершив посещение домов, клирики и певчие были радушно приглашены Александром Ивановичем и Татьяной Викторовной Ерилиными на праздничную трапезу в их гостеприимном доме.

## ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

### СТОЛЕТИЕ СООРУЖЕНИЯ ПЕРВОГО ХРАМА В ГОРОДЕ ИРИ

*Окончание интервью протоиерея Пимена Саймона, начало в № 3 (2019) (85)*



Епископ Иоанн (Берзинь) Каракасский и Южно-Американский с клиром храма Рождества Христова в городе Ири. 29 июня 2008 года

**Диакон Андрей Псарев:** Не могли бы Вы пояснить нам, как действительность Нового Света повлияла на Ваше решение присоединиться к новообрядческой Церкви?

**Протоиерей Пимен Саймон:** Очень хороший вопрос. Было много причин. Главная из них — это понимание того, что мы жили без полноценной евхаристической жизни Церкви. Старообрядцы-беспоповцы не всегда понимают это. Они думают, что так было всегда и все в порядке. <...> Другая причина заключалась в том, что из-за того, что мы

живем в Америке, здесь присутствуют только четыре группы старообрядцев-беспоповцев. Три других группы находились в таком состоянии, что было очевидно то, что дела их плохи и их долгосрочное выживание было под большим вопросом. Была еще новая группа старообрядцев, поселившихся в Орегоне в 1960-е годы. Но их образ мышления был таким: «Никто не может молиться с нами, мы даже не будем молиться друг с другом, мы не будем молиться с вами. У нас нет ничего общего, мы обособлены». Наш выбор был иным. Но если бы даже этого не



произошло, действительность такова, что мы являемся третьим поколением, родившимся в Америке. Наши прихожане получают высшее образование, многие из них покидают Ири в поиске работы по приобретенной специальности. Они переезжают в Чикаго, Бостон, Вашингтон. Когда старообрядцы в прошлом покидали родные места, где находились их церкви в Ири, Марианне или Детройте, то первое их поколение еще следовало православной старообрядческой традиции, но уже во втором поколении сохранение веры очень быстро рассеивалось. В те времена мне приходилось посещать группы старообрядцев в Бостоне, Нью-Йорке, Восточной Пенсильвании. Я приезжал к ним, исповедовал и понимал, что все это очень несерьезно. Они больше не хранили веру и благочестие, и как они могли после этого оставаться православными христианами? То же самое относилось и к нам. Я часто думал о том, что мы пришли к такому состоянию, при котором можно сказать людям: «Да, наши корни старообрядческие, но, прежде всего, мы православные христиане, и если вы не найдете старообрядческую церковь, то можете обратиться к другой православной церкви. Вы должны посещать храм». При посещении других старообрядческих общин я говорил им: «Для чего вы ждете меня в течение целого года? Рядом с вами есть православный храм. Также есть храм в Нью-Йорке». В ответ я слышал: «Они не такие, как мы!» Таким образом, именно из-за того, что мы проживаем в Новом Свете, в особенности будучи вторым и третьим поколением после эмиграции наших предков, мы должны находить такие места, где наши люди могли бы участвовать в богослужении и пребывать в вере, иначе они потеряют ее, что наиболее вероятно, или станут католиками и протестантами. Но, скорее всего, это не произойдет, ибо их родители скажут: «Я не хотел бы, чтобы ты это делал. Поскольку ты все еще носишь крест на шее, ты остаешься старообрядцем». Действительность Нового Света имела огромное значение для принятия нами решения. Если бы мы

проживали в месте компактного проживания многих старообрядцев, как, например, в Латвии, это могло бы получить совершенно другое развитие. Но в этой стране мы были настолько незначительным меньшинством, что я признавал необходимость объединения с другими православными людьми и мог сказать: «Пусть это и не старообрядческая церковь, но по крайней мере, она православная». Последним препятствием на нашем пути к воссоединению была потребность убедиться в том, что новый обряд не является еретическим, ибо это было самое серьезное и важное из выдвигаемых замечаний и возражений.

*Диакон Андрей Псарев:* Что значит старый обряд для Вашего прихода? Почему для вас важно его сохранить?

*Протоиерей Пимен Саймон:* Очень интересный вопрос, я предполагаю, что есть некоторая дискуссия по поводу того, должно ли это быть нашей долгосрочной целью. Я очень настойчиво пытался убедить людей в том, что они должны понимать самые важные вещи. Есть три уровня: во-первых, мы — христиане, во-вторых, мы православные христиане, в-третьих, мы — старообрядцы. Я думаю, что достаточно преуспел в убеждении людей в этом. И теперь некоторые из них говорят: «Почему так важно сохранять старый обряд?» И если они перестанут быть старообрядцами в будущем, для меня это не станет трагедией. Наш возлюбленный недавно почивший Владыка Даниил однажды сказал пастве, что он уяснил для себя, что здесь сейчас никто не понимает церковнославянский язык, и таким образом, когда мы перевели тексты на английский, то люди в первый раз начали понимать даже в чтении богослужебных поучений о необходимости Святого Причащения. Мы читали это поучение с упоминанием Евхаристии перед самым Рождеством Христовым, и оно сильно подействовало на слушателей. Владыка Даниил считал, что понимание подобных вопросов привело нас к правильному решению

о воссоединении с «никонианами», но он был убежден в том, что мы имеем обязательства перед нашими предками сохранить то, что они передали нам. Он считал важным, чтобы в Церкви сохранялся такой образцовый приход с богослужением по старому обряду. И я думаю, что это очень важно, ибо старый обряд действительно представляет собой историческую и драгоценную часть Православной Церкви. Я всегда говорю людям: «Не буду утверждать, что старый обряд является единственно возможным и не отрицаю того, что в церковном богослужении было эволюционное развитие. Но я говорю вам о том, что если вы захотите узнать о древнерусской традиции, может быть, не 900-х годов, но по меньшей мере, 1200-х и 1300-х, то вы увидите ее в старом обряде. Иногда люди сомневаются в том, что Русь под монгольским игом смогла сохранить те церковные чины и обряды, которые были введены в употребление при ее Крещении. Но если вы будете изучать жизнь старообрядческих общин, фанатично придерживающихся дониконовских обрядов Русской Церкви, то вы убедитесь в том, что мысль о том, что Русь могла ввести какие-либо изменения в обряды, будучи изолированной под монгольским игом, выглядит просто нелепой. Подумайте о том, что в старообрядческой общине ребенка первым делом учат правильно складывать двуперстие для крестного знамения и если он будет это делать небрежно, то получит подзатыльник, и тогда вам станет понятно, насколько сомнительно то, что какие-либо нововведения вошли в жизнь Русской Церкви до реформ Патриарха Никона. Между прочим, для меня было настоящим открытием увидеть после распада Советского Союза видеоматериалы о старообрядческих службах в Москве, Румынии, Орегоне и Аляске. Некоторые богослужебные обычаи в нашем приходе начинали мне казаться местными «ошибками», поскольку их не употребляли в тех новообрядческих храмах, которые я посещал. Однако мои подозрения совершенно рассеялись после того как я побывал в других старообрядческих общинах. <...> Многие согласятся с тем,

что когда иконография полностью подчинилась западному влиянию, то практически только старообрядцы сохранили православную иконописную традицию. Вам может нравиться западная традиции церковной музыки. И я всякий раз говорю людям: «Если вы приходите из прихода, в котором практикуется то, что я называю высокой русской оперой, то вам могут не понравиться наши песнопения. Если же вы представляете хоть немного, что такое унисонный распев, возможно наше пение придется вам по душе. Сохранение знаменного распева имеет большое значение. Были причины, по которым наши предки терпели гонения за свой выбор старого обряда. И по-прежнему существуют причины для того, чтобы сохранять старый обряд в нашем приходе, несмотря на то, что мы признаем греческие или послениконовские обряды.

Думаю, что действительно важно сохранить старый обряд еще и потому, что многие люди, обращающиеся в православие в Америке, делают это на основе того, что они читали о православии. Возможно, что они приходят в церковь, слышат об этом, видят богослужение, но также, если они по-настоящему ревностны, они читают. И если они читают о православии, то имеют определенное ожидание: согласно традиции богослужение должно происходить именно так. И очень часто, когда они видят старообрядческое богослужение, они говорят: «Это то, о чем я читал, и именно такой традиции я хотел бы придерживаться». Очень многие люди говорят мне: «Вам нужно издать учебник и видеокурсы по обучению знаменному пению, мы хотим петь этот распев, ибо понимаем, что это более древняя традиция».

Поэтому, на мой взгляд, главная причина для сохранения старого обряда в нашем приходе — это следование традициям наших предков и раскрытие значения старого обряда в современном православном мире. Должен сказать вам, что за минувшие двадцать пять лет совершилось столько событий, которые казались мне ранее просто невероятными. Я верю в чудеса, но мои



взгляды больше созвучны сказанному старцем Зосимой из «Братьев Карамазовых» Достоевского: «Вера не от чуда рождается, а чудо от веры». Я не тот человек, который видит в форме мороженого сходство с Девой Марией и скептически отношусь, когда слышу об источающих слезы иконах. Я не говорю, что такого не бывает, но я хотел бы увидеть это сам. Но в моем понятии чудесны те события, которые произошли в нашем приходе за последние 25–30 лет. Из маленькой обособленной группы старообрядцев-поморцев в польском местечке Сувалки, о которой не знал никто в мире, мы пришли к приходу и у нас был свой епископ. Мне кажется (я не хотел бы выглядеть как протестант), о нас и нашем приходе у Господа есть Свой особый Промысел. Полагаю, мы должны крепко держаться традиции, быть очень осторожными и не принимать таких решений, как: «больше не имеет значения придерживаться нам старого обряда или нет». Если в будущем мы перестанем быть старообрядцами, то это не станет трагедией для людей, но думаю, что мы должны крепко держаться своих традиций. Недавно на встрече с прихожанами я сказал им: «Хочу, чтобы вы знали о том, что если после моей смерти вы отойдете от старого обряда, то вы отвернетесь от всего того, что я пытался сделать, будучи настоятелем вашего прихода (конечно, за исключением заботы о ваших душах)» <...>

**Диакон Андрей Псарев:** Когда мы с семинаристами посетили Ваш приход, то были поражены масштабом волонтерской помощи, которую вы оказываете местным жителям. Не могли бы Вы рассказать, какие социальные проекты осуществляет ваш приход и как обычный небольшой приход РПЦЗ может организовать что-то подобное?

**Протоиерей Пимен Саймон:** Мы, православные христиане, вероятно, по своей греховности часто высказываемся в таком духе, что в настоящее время римо-католическая церковь и протестантские церкви стали больше похожи на социальные службы, чем

на вместилища спасения. Конечно же, мы должны понимать, что главной целью Вселенской Церкви также как и приходского храма является спасение душ паствы. Это — первая цель. Но мы не можем отрицать того, что во время Второго Пришествия Господа, как мы точно знаем из двадцать пятой главы Евангелие от Матфея, Он не будет нас спрашивать: «Носил ли ты бороду? Молился ли всеобщное бдение? Совершал ли земные поклоны?», но скажет: «Накормил ли ты голодного? Одед ли нагого? Напоил ли жаждущего?» Отсюда мы понимаем, что христианская любовь и благотворительность являются важнейшими обязанностями прихода. Мы усердно стремимся их исполнять. Не скажу, что мы преуспевали в прошлом, и нам еще многое предстоит сделать в этом направлении, но в последние тридцать лет мы старались трудиться в исполнении этих заповедей. Например, в определенные дни мы работаем на кухне, которую содержат католики-бенедиктинцы. Каждый день к ним приходят различные группы людей, подающие пищу бедным. Наши прихожане трудятся там в одну из пятниц каждого месяца. Мы обслуживаем эту кухню в день католического Рождества Христова, чтобы монахини могли совершить свой праздник, а бедные не остались бы без обеда 25 декабря. Наши прихожане доставляют корзины с едой сорокашести семьям в этот день, чтобы люди могли праздновать Рождество Христова. Несмотря на Рождественский пост, в этот день мы устраиваем праздник для ста пятидесяти детей из неимущих, практически бездомных семей. Есть много способов для прихода Русской Православной Церкви за границей, пусть даже и небольшого, совершать благие дела, на которые не требуются значительные расходы. Упомянутая кухня для пятидесяти семей может казаться замечательным достижением, но на самом деле имеется банк продовольствия, и большая часть продуктов поставляется из него. Таким образом, мы ничего не платим за еду, мы просто берем продукты в этом банке и распределяем между нуждающимися. И мы не





можем сказать, что это нам не под силу, мы просто не можем позволить себе не делать этого, ибо в таком случае, как мы ответим Господу и скажем Ему: «Мы не знаем, что это был Ты». На что и Он ответит нам: «Идите ошуюю и будьте с козлищами, а не с овцами».

**Диакон Андрей Псарев:** Пожалуйста, примите наши соболезнования по поводу кончины вашего возлюбленного архипастыря Преосвященнейшего епископа Даниила (Епископ Даниил Ирийский почил 13/26 апреля 2010 года – *Прим. переводчика*). Как ваш приход будет жить без него?

**Протоиерей Пимен Саймон:** Он приносил неоценимую пользу нашей общине. К сожалению, многие не знают о том, что ко времени его переезда в наш приход, он был достаточно серьезно болен. Вскоре после переезда в Ири у Владыки Даниила случился инфаркт, были и инсульты, поэтому большую часть своего архипастырского служения здесь он пребывал физически ослабленным. Большинство людей не имели возможности оценить и узнать насколько он был блестящим человеком и великим пастырем. У меня такая возможность была, ибо хотя я узнал его в то время, когда он уже был болен, но в то время он еще сохранял все свои замечательные умственные способности, обладая глубокой проницательностью и огромным талантом духовного наставника. Заменить Владыку Даниила невозможно. Я благодарен отцу Виктору Потапову за то, что в одном из своих последних информационных листков написал трогательное похвальное слово Владыке Даниилу (опубликовано издательством Михаила-Архангельского единоверческого храма в издании «Летопись единоверческой жизни» за 2010 год, стр. 22–25. – *Прим. перев.*). Отец Петр Перекрестов недавно написал замечательный панегирик Владыке Даниилу (опубликовано в «Церковном вестнике» № 10, 2010 год. – *Прим. перев.*) <...>

**Диакон Андрей Псарев:** Не могли бы Вы рассказать о том значении, которое имел епископ Даниил для Русской Православной Церкви за границей?

**Протоиерей Пимен Саймон:** Полагаю, что Владыка Даниил проявил глубокую проницательность в то время, когда многие думали о РПЦЗ, как о некоей обособленной крепости: «Только мы являемся Церковью, все остальные заблуждаются!» Владыка Даниил обладал очень широким кругозором. При этом его нельзя назвать либералом. Он никогда не соглашался с утверждением о том, что Московский Патриархат не имеет благодати. Когда кто-либо высказывал подобное, Владыка Даниил всегда весьма воодушевлялся и говорил: «Что обозначает слово "благодать"? "Gracia" – это дар Божий. Кто мы такие, чтобы определять имеют ли другие благодать?» Я считаю, что он проявлял очень здравый подход к вопросу о том, что есть Церковь. Были люди, которые знали его и понимали это. Владыка Иероним часто высказывается о том, какое влияние имел Владыка Даниил на формирование его мышления, на его духовное становление. Безусловно, он оставил свой след и в других областях деятельности. Например, Владыка Даниил был замечательным архитектором. Он спроектировал кафедральный собор в Вашингтоне и храм в Коннектикуте. Он был отличным иконописцем. После его кончины я рассматривал написанные им иконы гораздо внимательнее, чем раньше и понял, что они действительно превосходны. Как сказал отец Герман Чуба в своем похвальном слове (опубликовано издательством Михаила-Архангельского единоверческого храма в издании «Летопись единоверческой жизни» за 2010 год, стр. 21–22. – *Прим. перев.*), Владыка Даниил всегда учил своим примером тому, что можно быть человеком сильной молитвы, высокой духовности, обширных богословских знаний и при этом иметь интересы в жизни, выходящие за пределы перечисленного. Владыка Даниил



Епископ Даниил Ирийский вручает палицу при проставлении епископа Иоанна Каракасского и Южно-Американского. 28 июня 2009 года

любил плавать под парусами. Много лет назад после переезда в Ири он начал строить парусник, на котором хотел плыть в порт Ири, ибо он был епископ Ирийский. У него был интерес ко многим предметам, даже к оружию. В его доме была пушка, и он стрелял из нее в День независимости Америки — четвертого июля. Владыка Даниил обладал огромными способностями во многих областях деятельности. И при всем этом никогда нельзя недооценивать то, что прежде всего он был человеком Церкви. Он знал все виды распевок: киевский, знаменный, румынский, византийский, при этом был знатоком каждого из них. Он был полиглотом. Он был исключительно выдающимся человеком, и все же в первую очередь он был великим молитвенником.

Другой важной характеристикой для Владыки Даниила может послужить то, что хотя он и не был рожден старообрядцем, но очень остро переживал о том, чтобы Церковь сохранила старый обряд. При наших первых

встречах, когда он увидел, что я стремлюсь во что бы то ни стало восстановить священство, он сдерживал меня, когда понимал, что я могу пойти на этот шаг, даже пожертвовав старым обрядом в приходском богослужении. Епископ Даниил многократно говорил мне: «Вы должны понимать то, что ваши предки действительно умирали за это. Они были гонимы. Возможно, старообрядцы иногда немного преувеличивают, но они действительно были преследуемы». Узнав, что мне понравился византийский распев, который мы слышали в Спасо-Преображенском монастыре города Бостона, в частности, исполнение тропаря Пасхи «Христос Воскресе», он много раз повторял мне: «Вам могут нравиться эти песнопения. Но если вы захотите вводить в богослужение что-то новое или сокращать службу, или делать что-то подобное, лучше переходите в какое-то другое место, потому что здесь ваша обязанность состоит в том, чтобы сохранить то, что ваши предки передали вам. Вы должны избежать





Торжества по случаю столетия храма Рождества Христова в Ири  
14 июля 2019 года

сокращений или введений тех богослужебных традиций, которые не являются частью старого обряда Русской Церкви».

Необходимо добавить, что в августе 1982 года после возвращения из Ипсвича, когда я склонялся к принятию священства, мы встретились с отцом Димитрием (имя Владыки Даниила до принятия иночества) Александровым, с которым познакомились ранее. Я знал о том, что он служит для старообрядцев и издал «Азбуку». У меня были вопросы, и когда он приехал в Ири 26 августа за два дня до праздника Успения Пресвятой Богородицы, я сразу же спросил его: «Что вы можете сказать об изменениях в Символе Веры, внесенных после Патриарха Никона, которым так противятся старообрядцы?» Я задал ему и другие вопросы, а он отвечал ясно и лаконично. Мне необходимы были эти ответы, хотя в действительности я поступал не прагматично. Нам нужно было священство, и потому проще всего было бы не задавать слож-

ных вопросов, а принять все как есть, лишь бы приобрести желаемое. Но будучи старообрядцем, как я мог избежать всех этих тем, включая двухперстное и трехперстное крестное знамение? Я мог считать, что какие-то действия, совершаемые нами, имеют лучшее смысловое наполнение, чем в новом обряде, но мне нужно было успокоить свою совесть в том, что в Церкви после реформ Патриарха Никона не были введены никакие ереси, и я не предаю веру своих предков. После встречи с отцом Димитрием (будущим Владыкой Даниилом) в августе 1982 года было абсолютное убеждение, что я не предаю веру отцов. Однажды Владыка Даниил сказал очень интересные слова: «Многие священники решают для себя то, что они могут пропустить ту или иную часть богослужения. Но в богослужебных книгах указано только одно место, где настоятель может иметь свободу действий: служить всенощное бдение или отдельно вечерню и утреню. У священника нет свободы

выбора в пропуске или изменении какой-либо части службы».

Напоследок хотелось бы рассказать следующую историю. В 1993 году мы летели в Россию, а затем на Святую Землю. Сначала был перелет из Торонто в Санкт-Петербург. У авиакомпании возникли проблемы с нашими билетами, и сотрудники никак не могли разобраться. Наконец, все разрешилось и они сказали: «За причиненные нами неудобства мы отправляем часть вашей группы первым классом». До этого я никогда не летал первым классом и сомневаюсь, что когда-нибудь полечу. Владыка Даниил сидел рядом со мной и несколькими нашими прихожанами. Мы летели вечером в субботу и понимали, что не сможем совершить обычного всенощного бдения из-за полета. Накануне вечером мы совершили вечерню и утреню, а утром в субботу служили Божественную литургию, как бы компенсируя то, что

пропустим всенощное бдение в субботу вечером. И вот сидя в салоне первого класса, я размышлял: «Мы летим в первом классе, здесь удобные сиденья, подают шампанское, покажут кино, все будет замечательно». И вдруг Владыка Даниил, сидящий рядом со мной, начинает по памяти, без книги читать вечерню и павечерницу. И мне тут же приходит мысль: «Нужно сидеть и молиться, а не думать о шампанском на борту». Таков был Владыка Даниил. При всех его интересах в первую очередь он всегда оставался человеком молитвы. В его домашней часовне он ежедневно служил вечерню, часы и изобразительные. Он помнил все службы наизусть. Незадолго до смерти он все молитвы повторял по памяти. Он был великим молитвенником, человеком глубокой мудрости и пронизательности.

*Перевод протоиерея Евгения Саранчи*

## ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

**М**итрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион с 12 по 14 июля 2019 года, нанес архипастырский визит и возглавил юбилейные торжества по случаю 100-летия старообрядческого храма Рождества Христова города Ири, штат Пенсильвания. В субботу, 13 июля, Его Высокопреосвященство возглавил Всенощное бдение, а в воскресенье, 14 июля, Божественную литургию.

Первоиерарху Русской Зарубежной Церкви сослужили епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (окормляющий единоверческие приходы РПЦЗ), настоятель храма протоиерей Пимен Саймон, игумен Герман (Чуба; настоятель храма первоученика Стефана города Олд-Фордж, штат Пенсильвания), игумен Тихон (Гайфудинов; настоятель Покровского скита города Бьюна, штат Нью-Джерси, личный помощник Первоиерарха), протоиерей Феодор Юревич, иерей Иерофей Попов, диакон Маркел Вассел (клирики храма).

За богослужениями традиционно пели два хора. Многочисленные прихожане причастились Святых Христовых Таин.

Обращаясь к духовенству и прихожанам, митрополит Иларион поздравил всех со знаменательным и радостным праздником – 100-летием храма.

Затем в приходском центре состоялась встреча митрополита Илариона и епископа Иоанна с настоятелем и членами приходского совета, в ходе которой обсуждались насущные проблемы, стоящие перед приходом.

Вечером того же дня по случаю юбилея храма состоялся большой прием, в котором приняли участие градоначальник Ири Джозеф Шембер, руководители городских служб, многие годы сотрудничающие с храмом-юбилеем.

*По материалам статьи  
сайта Восточно-Американской  
епархии РПЦЗ*



## ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

### ИСТОРИЯ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ПРИХОДА СЕЛА САРЫ ОРСКОЙ ЕПАРХИИ

*Продолжение, начало в № 3(2019) (85)*

СВЯЩЕННИК ПЕТР САМОХИН.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ЖИЗНИ В РАСКОЛЕ

**Ж**изнь старообрядцев нашего согласия не всегда текла безмятежно, — бывали и несогласия. Кроме Ивана Фомина, в числе раскольничьих наставников выдавались: в Оренбурге — Андрей Иванович Канбулин, в Троицке — Андрей Иванович Шпагин, в Уральске — Варсонофий Барышников, сын его Анисим и внук Харламий Анисимов. Упомянутые руководители раскола по временам собирали соборы для примирения взаимных раздоров, но, к сожалению, ни одного собора не проходило без ссоры. На эти соборы приезжало очень много народа, для успокоения своей совести и решения собора каждый старообрядец считал уже каноническим правилом. Свободно было решать старообрядцам вопросы, потому что ни один старообрядец никогда не спрашивал, на основании какого писания делается решение, а как скажет наставник, то и свято. Фомин много решал таких вопросов каждому вопрошающему, и молва о нем распространилась далеко. Петропавловка не оставалась ни одного праздника без посторонних посетителей, которые, во-первых, стекались к Фомину за решением разных недоумений, во-вторых, каждый посетитель старался насладиться чтением и пением при богослужении, потому что Петропавловка славилась благолепным служением в часовне, что у старообрядцев бывает очень редко. Сам Фомин говорил народу не раз, что он никогда не был и, надеясь на Бога, не будет посрамлен какими-либо еретиками, чтобы быть безответным, и в самом деле он сильно доказывал австрий-

ским, поморцам и другим неправоту их упований, а о Церкви Православной даже и помышлять было излишним: на Церковь Христову злоречивые уста были у всех открыты, равно и у наставника Фомина, который утверждал, что Греко-Российская Церковь — преемница всех ересей, а на эту порицательную ложь никто никогда не потребовал от Фомина доказательств от Писания: народ был так настроен, что сразу поднимались сотни голосов, наперерыв высказывая друг другу пороки за пастырями православными: один говорил, что такие-то священники пьянствуют, другой видел, что табак курят, третий, что скромную пищу в пост употребляют; выходило, что никонианские попы сплошь беззаконники. Такие взгляды на Церковь Православную руководители раскола подкрепляли разными злохулениями на Церковь Христову. Так, например, изъясняя слово 105 Ефрема Сирина, что антихрист вместо креста Спасова свое даст знамение, — под словом знамение Христово разумели все наставники осмиконечный крест и двухперстное сложение, тоже называемое старообрядцами крестом, а троеперстное сложение называли знаменем антихриста. Бывало Фомин спросит у народа, что есть знамение Христово? И со всех сторон сотни людей, поднимая правую руку, двухперстно сложенную, говорят: «Это вот Христово крестное знамение, в нем все таинства замыкаются Божества и человечества», а наставник прибавляет, что ни одна-де старая книга не умолчала, чтобы не описать знамения Христова; поднимая же

левую руку, сложенную троеперстно, кричат: «Это вот антихристово знамение — печать антихристова», а наставник начнет читать из Большого Катихизиса главу 23, лист 102: «Уже бо и ныне много видим, иже не приемлют на себя Христова креста знамения, сиречь десницею своею узаконеннаго воображения не возносят на чело главы своя, таже на живот, на правую и левую раму; аще убо реченнаго сего Христова знамения крестнаго не приемлют, то уже яве есть, еже имут на чело свое и на десную руку прияти печать антихристову». «Вот как, — продолжает наставник, — батюшка великий-то Катихизис нам показал, какое антихристово знамение. Так-то! А то вы давеча говорили и руки показывали, да ведь этому мало нынче верят, а тут вот прямо в Большом Катихизисе сказано про знамение антихриста». «Спаси тебя Христос!» — слышится со всех сторон благодарность наставнику.

«Постойте-ка, братие, стойте! — говорит наставник, — прочитайте из Катихизиса же лист 7-й: "Вопрос: невозможно ли креститься всеми персты или единым? Ответ: Ни, первое не прообразует Святой Троицы, второе не прообразует Божества и человечества". Вот, братие, нельзя никак иначе креститься, как двумя перстами, так говорит Святое Писание, а у великороссийских то все можно».

«Правда, правда!» — слышится крик со всех сторон.

«Прочитайте-ка, братие, — продолжает наставник, — из Катихизиса лист 25: "Вопрос: чего ради в последнее время люди от веры отступят и к ереси приступати имут? Ответ: Трех ради вин: первая — станет мерзость запустения, реченная Даниилом пророком, на месте святе"... Да, братие! время последнее — антихристово время. Вон Варсонофий Александрович поехал по белу свету, спросите-ка его, он был везде, много ли он находил истинных то христиан?»

Варсонофий Барышников начинает повествовать о том, как он был командирован уральцами на Восток, как был в Цареграде, в Иерусалиме и там не нашел благоче-

стия, а везде одно троеперстное сложение; затем Барышников рассказывает, якобы он беседовал с патриархом Иерусалимским, видел там древнее на греческом диалекте пергаментное Евангелие и в нем оттиснута среди страницы сложенная десница двуперстно, что доказывает древность двоеперстия. Далее Барышников говорит, что якобы патриарх, оборотя несколько листов, нашел и показывал на поле, а не среди текста, троеперстное сложение. «И я подумал, — сообщил Барышников, — что это могло быть оттиснуто после. Да, братие! как увидел в Иерусалиме, что там знаменуются троеперстно, так все усердие от меня и отпало. Всюду овладел проклятый антихрист. Вон прочитайте-ка из Ефрема Сирина слово 105, что церкви Христовы как овощные хранилища будут, восплачутся церкви Божии плачем великим, потому что жертва не будет приноситься. Да, антихрист теперь царствует у никониан, а некоторые из нашей братии невегласы ходят-посматривают к ним, да берут еще книжки еретическия, а в Книге о вере, что об этом говорится? Прочитайте 3-й лист на обороте: "Аще обрящеши книги еретическия, не моги их почитати, да не наполнится душа твоя яда смертнаго". Умоляю вас, братие, не берите и не читайте книг еретических, а то соблазнитесь и погибните».

«Спаси тебя, Христос, за наставление», — слышится благодарение со всех сторон.

«Бог видит, братие, — продолжает наставник, — наши недостатки, Он Сам восполнит их, Господь сказал (читай в Благовестнике, Евангелие от Луки зачало 67): "не бойся, малое Мое стадо, яко благоволи Отец дати вам Царство". Когда священства нет, что же делать? Можно и без него обойтись, как учит книга Кириллова, 10 послание. Здесь, братие, видите, как восхваляют простецов, которые без священства...»

Так-то утверждали наставники свою паству в заблуждениях раскола и ненависти к Церкви Христовой, и трудно было проникнуть истине в непросвещенную массу, потому что книги православные читать стро-





Тимофей Николаевич и Анисия Порфировна Костины. 25 июля 1914 года

воспрещалось, также и вступать в беседы с никонианами; если же когда и случалось последнее, то всеми силами старался всякий старообрядец показывать вид только, что слушает беседу, а к сердцу ее не принимать и после беседы поскорее ее забыть.

Крепко ограждены были петропавловские раскольники от проникновения к ним света православия, а тем не менее он озарил и их. Я был ярый приверженец раскола, излиха ревнитель отеческих преданий, сродник и любимец наставника Ивана Фомина. Фомин мне родной дядя: он меня очень любил за мною приверженность к часовне и постоянно меня приглашал, когда у него были посетители из разных мест, и мне пришлось слышать все суждения наших наставников о разных недоуменных вопросах. Я был предан Фомину, его доказательств казались мне неоспоримыми и более и более усваивал его суждения.

В 1883 году были у нас беседы с уральцами, древнего благочестия не нашли, а раздоры между самими наставниками стали обнаруживаться резче: Фомин учил, что антихрист будет чувственный человек; с Фоминим согласовались и уральские Варсонофий Барышников и Харлампий Анисимов, но оренбургские, хотя и одного с нами согласия, Андрей Канбулин и Андрей Шпагин над этим мнением смеялись, и когда однажды на беседе в Оренбурге было доказано Фоминим и Барышниковым, что антихрист будет человек, то Шпагин с Канбулиным вместо того, чтобы сознать свое заблуждение, стали укорять Барышникова в житейских пороках. Далее беседа перешла на вопрос об общении с еретиками и базарной снеди. Когда беседовали об антихристе, то Барышников с Фоминим были в едином духе, а беседа о базаре разъединила наших главных руководителей: Барышников утверждал, что продаваемое на базарах еретиками есть идоложертвенное, в подтверждение чего указывал на Толковый Апостол лист 824: «не можеше чашу Господню пити и чашу бесовску». Фомин же и Канбулин доказывали, что торжище не есть жертва, приносимая идолам, хотя бы продавцы

были и еретики, при чем ссылались на Толковый Апостол листы 443, 946, 220, 508, Никона Черногорца листы 185, 189, беседа Апостол, лист 955: «все, еже на торжище продаваемое, ядите ничтоже сумнящися, Господня есть земля и исполнение ея» и далее Апостол Толковый лист 501, 528 и другое. Так как доказательство Фомина было сильнее, нежели Барышникова, то последний, видя, что от Писания побежден, начал насмехаться и обратясь к народу, говорил: «Братие, кто видел, что диавол на торжище продает потребное?» Из среды народа послышалось: «Никто». После того Барышников снова стал говорить, что под чашей бесовской должно разуметь еретическое, что жертва бесам есть вся пища еретическая, которая совершается без благословения и молитвы по долгу христианскому. Снова послышались народные крики приверженцев Барышникова: «На базаре бес не торгует, а за место его еретики — слуги бесовские». Народ шумел и не слушал Фомина и Канбулина, которые опровергали Барышникова. Далее перешли к Таинству Крещения. Фомин настаивал, что нужны восприемники и восприемницы для свидетельства крещения и отречения от сатаны, а Барышников и Канбулин говорили, что восприемники не нужны и что простецам должно совершать все просто. Так знаменитые путеводители раскола каждый по своему мнению толковал Писание и не внимал доказательствам собеседника, боясь пред слушателями потерять свой авторитет. Барышников, видя, что Канбулин перешел на его сторону, вместо того, чтобы доказывать от Писания, стал снова издеваться над Фоминим, что он захватил не дарованное: простецу дано только крестить, а он, Фомин, ставит восприемников, точно так же и браки нужно только благословлять, а Фомин велит новобрачным приехать в часовню и служить три молебна: Спасу, Богородице и всем святым, читает Апостол, Евангелие и поучение из Потребника.

Тяжелое впечатление произвели эти споры наших наставников на некоторых из



народа. Если бы во время беседы два наставника все время были против одного, тогда можно было думать, что последний ошибается, а теперь что же вышло? Сначала Фомин с Барышниковым был против Канбулина, потом Фомин перешел к Канбулину против Барышникова, а затем Канбулин перешел к Барышникову против Фомина. И вот во множестве собравшиеся из разных мест старообрядцы одного согласия для решения разных вопросов в союзе мира и любви увидели распрю и брань между наставниками. До беседы Петропавловка была в единомыслии, но с этого времени и у нас пошли раздоры: часть, именно выше упомянутые выходцы из Бузулука, начали склонять остальных петропавловцев, чтобы послушали Барышникова и не сквернились базаром, на что некоторые ревнители охотно согласились; прежде мед постоянно покупали у башкир, привозивших его к нам в Петропавловку, а масло у еретиков. Теперь же устроена у нас была Иваном Терентьевичем Панкратовым в видах избежания сообщения с еретиками маслобойня, что петропавловцам очень понравилось, мед начали покупать в Оренбурге, хотя и дороже прежнего, но за то христианский у сестер Ануфриевых, а масло у Панкратова, на что Фомин, хотя и невольно, согласился. Когда цена на базаре на масло была за фунт 15 копеек, Панкратов брал с нас по 20 копеек. В маслобойню приезжало много православных с разных хуторов, работы стало больше, и Панкратов допустил работника православного, который, как говорили, «еретическими руками да и без молитвы начал работать», что старообрядцам очень не нравилось, почему масло Панкратова стали считать таким же, как и еретическое, отличающимся от последнего только более дорогою ценою, и мало-помалу начали покупать, хотя и тайно от других, опять на базарах, как масло, так и мед. Фомин хотя и снисходил к бузулуцким выходцам, но не воспрещал покупать и на базаре. Итак приверженцы Барышникова, с вышеупомянутым наставником Леоном Панкратовым, видя,

что Фомин холодно верит «святой маслобойне» Панкратова и «праведному меду» Ануфриевых, из-за торжища отделили свое стадо чистых, кои не причастны грехам базара, начали собираться особо на моления, а с Фоминым и его последователями не стали ни пить, ни есть, ни молиться вкупе Богу, и так у нас в Петропавловке с Оренбургского собора сделалось не мир и тишина, а из раскола раскол, — постоянная брань и укоры между собою. Это побудило некоторых из нас вникнуть в смысл Божественного Писания, чтобы узнать, кто из главных наставников прав и кто заблуждается.

Мне хотелось подробнее удостовериться в действиях раскола, я был уверен, что они совершаются по Писанию, равно и в том, что наставник Фомин может от Писания оправдать все наши действия. В 1888 году дошел до нас слух, что всюду православные миссионеры побеждают раскольников и обличают их неправоту. Ожидая, что и в Петропавловку может явиться миссионер, наставник Фомин мне поручил письменно изложить основания нашего упования. Я на это охотно согласился и с пылающей ревностью взялся за работу. В начале писал о Церкви, что она не стены и покров, но вера и житие, как учит книга Кириллова (лист 9); затем следовало о крещении, причем главным доказательством правоты наших действий служило из потребника лист 49, Номоканона правило 203: «обаже сии не второ крещаются, аще от простеца инока или отца самого по нужде крещен, и аще умрет крестивыйся прежде нежели постигнут священнику, благодать Божия совершает такового; аще же жив будет отроча, да паки тщится превести его пред священника и молитву и миро по обычаю творить». Этою надеждою и питались наши наставники и говорили народу, что если нам пошлет Бог священство, то оно исправит нас по долгу христианскому, а если кто умрет и не сподобится сего, то благодать Божия довершит такового. Далее мною приводились доказательства о причащении из Никона Черногорца лист 450, что многие на домах



Прихожанки Петропавловского храма



имели причащение, и когда хотели, причащались. О покаянии делалась ссылка на Пролог сентября 25 числа и июля 25: «како старец блуднице исповедашеся и от Бога разрешение прият». Касательно брака указывалось на Кормчую лист 500, что он совершается по благословию родительскому. Так мы готовились отвечать миссионеру в защиту действий нашего упования. Это было в 1888 году. Я был спокоен и благодарил Бога, давшего нам такого вождя, как Иван Фомин; одно только меня беспокоило — это бывший в Оренбурге собор и раздор на нем между наставниками. Это побудило меня несколько раз прочитывать самые тексты Писания об антихристе и о торжище, и здесь мне казалось правильным суждение Фомина, так что я более и более убеждался, что едва не обожаемый нами наставник Фомин действует все по Писанию, и решил я, пока здравствует Фомин, узнать от него, как все действия наши до малейшей подробности подтверждаются текстами Писания. Я пошел к Фомину в его дом, который был для меня как родной, с тетрадкой в руках для памятной записи, и завел следующую речь: «Я пришел к тебе, крестный, для того, чтобы подробнее заручиться разъяснением о всех действиях старообрядства, пока ты жив и здоров, ты Бога ради не откажись мне пояснить все это». Фомин охотно согласился. «Да, — говорил он, — я пока, по милосердию Божию, при жизни своей не был посрамлен ни от братии, ни от еретиков, чтобы быть мне безответным». — «Благодарение Господу Богу! — говорю я. — Едва не каждую неделю едет к тебе наша братия со всех сторон для разъяснения разных недоумений. Вот я и надумал описать от рождения до гроба человека все действия теперешнего пребывания». Фомин одобрил мое благое намерение: «Помоги тебе Господи, чтобы послужило для прославления христианства», — сказал он.

«Первое, — начал я, — когда разрешится женщина от бремени, призываем наставника, который читает молитвы: «Прости мя, отче святой...», и кадит весь дом, тогда входят семейные в дом, а пока не освятится

дом наставником, каждый считает дом скверным и никто не входит в него, кроме бабушки, ухаживающей за больной, а если кто, не зная сего, взойдет в дом случайно, то тот должен принять освящение от наставника, как и родившая. Так вот где же это написано, чтобы подтвердить текстом?» При этом я вынул тетрадь для записи в полной уверенности, что вот начнет Фомин мне доказывать от Писания, но он, немного посидев, сказал: «Да, это в Писании едва ли можно где найти, чтобы наставник шел и читал освящение, как мы действуем, в прежнее благочестие таких случаев не было». Я в испуге спросил: «С какого же правила или примера святых взято ваше действие?» Фомин на это ответил: «Так насоветовали старики и отец Гавриил, а писанного нет, да и быть не может». Ответ Фомина, как стрела, пронзил мне сердце: «Насоветовали старики, а писанного нет!» Собравшись с чувствами, я еще спросил: «Как же вы основались так дерзать, если нет писанного?» Фомин на это сказал, что так указал отец Гавриил и что в Перми, и Миясских заводах, и везде, где древнее старообрядство есть, одинаково действуют. Я спросил Фомина: «А если нас спросит миссионер, ему как ответим?» Фомин ответил: «А кто ему скажет про наше действие? Он сам не знает, а мы не будем сами навязываться с рассказами миссионеру, а если он спросит, как делаете, мы ответим — никак. Помолится родившая и бабка, да и ладно. Не станем же мы говорить, что у нас наставник ходит да читает для очищения». Тем и кончилась наша беседа. Это было в 1888 году, когда мне было 23 года. По возвращении домой, размышляя о том, как Фомин решал постоянно разные недоумения среди старообрядцев, я никак не мог заглушить стоявшего в моих ушах звука его слов: «Так насоветовали старики, а писанного нет». Я стал проверять записку, которая составлена мною по поручению Фомина о крещении, причащении, покаянии и браке. С большим прилежанием я начал делать разбор наших доказательств, и затем, не теряя времени, снова пошел к Фомину для успокоения совести. Он

принял меня по-прежнему — радушно. «Я опять пришел тебя беспокоить и Бога ради прошу разъяснить мне нечто», — сказал я. Фомин, как и прежде, охотно и любезно согласился побеседовать со мной. Я предложил вопрос следующего содержания: «По Писанию крестить может протестант и даже бабка (Номоканон, лист 49, правило 203), но в этом правиле я не нашел основания для нашего действия. В правиле сказано, что протестант или мирянин, или отец сам, или бабка, может окрестить по нужде, а чтобы избрать для этого особого протестанта, который бы совершал крещение так, как оно совершается, этого в правиле нет; а у нас становятся свидетели крещения: восприемник и восприемница, читается символ веры, отрицание сатаны; из какой книги взят чин этого крещения?» Снова последовал ответ, что этого писанного нет и прочее, и снова дрожь принижывала меня. Еще я предлагаю вопрос: «Родившую жену до шести недель мы не принимаем в общение ни в пище, ни в питии, ни вкупе Богу молиться, по прошествии же сорока дней приходит жена к наставнику с младенцем и наставник читает ей молитвы некоторые из Потребника и писанную в часослове: "Прости мя Отче святой..."», и после того женщина та причитается к стаду старообрядцев: где это писано, чтобы протестант мог дать в сороковой день жене молитву?» Фомин, немного подумав, ответил, что этого писанного нет, что в Потребнике сказано, что священник дает молитву, а о протестанте не упомянуто. «Если нет писанного, как же вы действуете не по Писанию», — спросил я. «Далось тебе — не по Писанию», — отвечал Фомин. — «Куда же денешься? Не идти же из-за молитвы к еретику? Как-нибудь да надо же! Везде старообрядцы так действуют. Бог видит нашу скудость и благодатию Своею довершит. Когда меня благословил отец Гавриил в настоятели, то говорил: «Ни о чем не сомневайся! Господь примет все твои действия: паси стадо, как священник». Вот

я с благословения отца Гавриила и действую». Далее я предложил вопросы о браке: «Откуда взят пример нашего совершения брака, что новобрачные приходят в часовню, где наставник обручает кольцами, читает три молебна: Спасу, Богородице и всем святым и поучение из Потребника?» Об освящении воды: «Откуда взят пример, чтобы ее освящали протестанты и не так, как сказано в Потребнике — не чрез погружение креста, а чрез вливание воды, соблюдающейся от прошлого года?» На все ответ Фомина был прямой и скромный: «В Писании нигде не сказано, чтобы брак и освящение воды совершать протестантам; действуем же так по обычаю, от стариков, чтобы не потерять пример древнего благочестия. А если тебе кажется все это противно Писанию, — говори в заключение Фомин, — то укажи мне и старикам, как нужно действовать». Видя, что Фомин начинает на меня обижаться, я старался успокоить его, говоря, что был уверен, что у нас все делается по Писанию, потому-то обратился к нему, Фомину, за разъяснением, как известному наставнику. Успокоившись, Фомин сказал: «Да! Когда в благочестии было такое событие, чтобы нам — протестантам совершать требы? А что же делать, когда Бог за неправду нашу отнял у нас священство? Сам видишь — всюду обладает никонианство, везде брандобритие, табак проклятый. Если у нас и не все по Писанию делается, то Бог видит, что по нужде и скудости нашей и рады бы довершить, да где взять истинное священство?» Этим закончилась наша беседа и я, поблагодарив Фомина, простился и ушел домой.

После того у меня явилось еще большее раздумие касательно ответа Фомина, что писанного нет, а так советовали старики. Ведь в одном месте по известному предмету старики могли советовать так, в другом иначе, и в своих советах старики руководились не Писанием и не правилами соборов, потому то и разногласия и раздоры в старообрядстве.

*Продолжение следует*



## ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

### ПОЧИТАНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ИЗ БРОННИЦ В XX–XXI ВЕКАХ

*Продолжение, начало в № 1(2018) – 3(2019) (77–85)*

### КРЕСТНЫЕ ХОДЫ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГОДЫ



*Последний крестный ход на Красной площади. 1918 год*

**П**осле Октябрьского переворота 1917 года положение Церкви существенно изменилось. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советом народных комиссаров 20 января (2 февраля) 1918 года, лишил приходы статуса юридических лиц и нацио-

нализировал все церковное имущество: с этого времени все церковные здания и все церковное имущество принадлежало советскому государству. Для того, чтобы в церкви совершались богослужения, верующие должны были подать в местные органы власти заявление с просьбой передать им

церковь в пользование. В соответствии с законодательством тех лет община верующих должна была состоять как минимум из двадцати человек (поэтому в советские годы приходской совет часто именовали «двадцаткой»). После заключения договора с местными властями церковь передавалась верующим. По условиям договора верующие должны были соблюдать законодательство о культах и содержать церковное здание в надлежащем виде. При этом они в сущности не получали никаких гарантий, что церковь в дальнейшем не закроют: власти имели право расторгнуть договор и изъять у верующих церковное здание в случае нарушения законодательства, а также в тех случаях, если здание пришло в аварийное состояние или оно было необходимо для иных целей. Спустя десятилетие, на рубеже двадцатых-тридцатых годов XX века, власти воспользовались тем, что законодательство позволяло с легкостью изъять храм у верующих и стали массово закрывать церкви под предлогом переоборудования их в зернохранилища (в сельской местности часто поступали именно так), мастерские, клубы и т. п.

После передачи церкви верующим священники, назначенные на данный приход правящим архиереем, могли совершать в ней богослужения. Но для любой службы за пределами церкви — для молебнов в частных домах или на полях и для крестных ходов требовалось специальное разрешение местных властей. Исключение делалось лишь для отпеваний и панихид: их можно было совершать без какого бы то ни было разрешения.

О порядке получения разрешения на совершение крестных ходов и любых других богослужений под открытым небом говорилось в параграфе 31 Инструкции народного комиссариата юстиции (НКЮ) от 24 августа 1918 года. Новые власти избегали церковной терминологии — в тексте этого официального документа крестные ходы были названы «религиозными шествиями»:

*Религиозные шествия, а также совершение каких бы то ни было религиозных обрядов на улицах и площадях допускается лишь с письменного разрешения власти, которое устроители каждый раз должны получать заблаговременно и во всяком случае не позднее, чем за 2 дня до публичного совершения религиозной церемонии. В выдаче разрешений совет рабочих и крест[ьянских] депутатов руководствуется ст. 5 Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»<sup>1</sup>.*

Порядок выдачи разрешений на совершение крестных ходов, впервые определенный в 1918 году, был закреплен постановлением ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года. Предупредить власти теперь нужно было за две недели до совершения крестного хода. В документе 1929 года говорилось:

*Религиозные шествия, а также совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом допускаются с особого каждый раз разрешения, получаемого в городах <...> от соответствующего административного отдела или отделения <...>, ходатайство о выдаче таких разрешений подаются не менее, чем за две недели до срока назначенной церемонии. Для религиозных служений, связанных с похоронами, вышеуказанных разрешений не требуется (п. 59)<sup>2</sup>.*

*Религиозные шествия, а также совершение религиозных обрядов и церемоний вне места нахождения религиозного объединения могут быть допущены с особого каждый раз разрешения органа, заключившего договор о пользовании имуществом. Такое разрешение может быть выдано после предварительного согласования с тем исполкомом, в район которого предполагается совершение шествия, обряда или церемонии (п. 61)<sup>3</sup>.*

Таким образом, советское законодательство допускало совершение крестных ходов только после согласования с местными властями. Для Москвы и Московской губернии таким органом был административный отдел Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Моссовета).





Крестный ход на Троицу, возглавляемый Патриархом Тихоном. 1921 год

В середине 1920-х годов Административный отдел Моссовета регулярно выдавал разрешения на совершение крестных ходов и перенесение чтимых икон из одной церкви в другую. Чтобы получить такое разрешение, члены приходского совета должны были подать в Административный отдел заявление с просьбой разрешить крестный ход в указанное ими время. Иногда для получения разрешения требовалось согласие на перенос иконы приходского совета той церкви, в которой икона находилась постоянно. Административный отдел рассматривал заявление и выдавал приходскому совету разрешение на перенос иконы, которое было необходимо представить в местное отделение милиции.

В те годы по Москве и ближайшему Подмосковью носили наиболее почитаемые московские святыни: Иверскую икону Богоматери из Иверской часовни, Донскую икону Богоматери из Донского монастыря, икону Богоматери «Всех Скорбящих Радости» из Скорбященской церкви на Ордын-

ке, икону Богоматери «Нечаянная Радость» из церкви Похвалы Богоматери возле Храма Христа Спасителя, Иерусалимскую икону Богоматери из Христорождественской церкви села Измайлова, ковчег с частицей мощей великомученика Пантелеймона из Пантелеймоновской часовни на Никольской улице. Перенесение икон совершалось в те же дни, что и в дореволюционный период.

Рассмотрим некоторые из этих заявлений, позволяющих составить некоторое представление о церковной жизни Москвы 1920-х годов.

Приходской совет Знаменской церкви у Крестовской заставы 23 июля 1920 года обратился в Моссовет с заявлением о разрешении крестного хода и молебнов:

*...ежегодно, 16 августа, по многолетнему обычаю, в нашем приходском храме Знамения у Крестовской заставы, совершаются установленные в память избавления от холеры торжественные службы и крестный ход в районе прихода – на*



Слева – Заявление протоиерея Алексея Мечева в Моссовет с просьбой о разрешении перенести икону Феодоровской Богоматери в церковь Иоанна Крестителя на Лубянке. Справа – ответ на прошение из Моссовета

1-ю Мещанскую, к так называемой «Красной часовне» и на Пантелеевскую улицу, а в прошлом году совершались, кроме того, подворные молебны с обнесением икон по записям прихожан. В нынешнем году, по желанию прихожан, также предполагено совершить это торжество и приходский совет, доводя о сем до Вашего сведения, просит разрешить крестный ход и подворные молебны с обнесением икон в районе нашего прихода<sup>4</sup>.

В заявлении подчеркивался тот факт, что этот крестный ход совершается ежегодно уже в течение многих лет. Отсылка к традиции, постоянно встречающаяся в подобных заявлениях, должна была убедить советских чиновников в допустимости этого крестного хода: это не нововведение, за которым может, по логике властей, скрываться антисоветское (или контрреволюционное, как тогда говорили) выступление, а давняя

традиция. Приходской совет обязывался следить за порядком во время крестного хода и не допускать никаких противоправительственных и контрреволюционных выступлений.

Приходской совет церкви великомученицы Параскевы в Охотном ряду просил разрешить 6 июня 1920 года «по примеру прежних лет отслужить у местной иконы, что на площади в Охотном ряду, и перед разными московскими святынями благодарственный молебен в память избавления этой местности от холерной эпидемии в 1846 и 1847 году»<sup>5</sup>. Прихожане Троицкой единоверческой церкви у Салтыкова моста 7 июля 1920 года просили разрешить совершить молебен возле церкви и крестный ход по окрестным улицам в память об избавлении их местности от сильного урагана, бывшего в 1904 году<sup>6</sup>. Все перечисленные молебны и крестные ходы были разрешены.



Прихожане Петропавловской церкви подмосковного села Ясенева просили разрешить принести в их храм Иверскую икону Богоматери 7 сентября 1920 года<sup>7</sup>. Накануне указанной даты, 6 сентября 1920 года, Моссовет сообщил, что «с его стороны не встречается препятствий к взятию иконы Иверской Б[ожией] М[атери] в село Ясенево на 7 сентября с[его] г[ода]»<sup>8</sup>. Аналогичные прошения подавались ясеневскими прихожанами ежегодно: так, 30 июля 1926 они просили разрешить принесение Иверской иконы в Ясенево 6 и 7 августа 1926 года<sup>9</sup>.

Среди хранящихся в Центральном государственном архиве Московской области документов Моссовета 1920-х годов есть и прошение известнейшего московского священника тех лет — настоятеля Никольской церкви в Кленниках протоиерея Алексея Мечева, в 2000 году причисленного к лику святых. Отец Алексей 5 мая 1920 года обратился в Моссовет с просьбой разрешить крестный ход из Кленников в Иоанно-Предтеченскую церковь на Малой Лубянке с Федоровской иконой Богоматери — одной из святынь маросейского храма:

*Идя навстречу желаниям приходского совета Иоанно-Предтеченской, на Малой Лубянке, церкви принять в храме на 15–16 мая сего года, кроме иконы Преподобного Сергия из Сергиевской часовни, что у Ильинских ворот, еще и нашу местночтимую икону Феодоровскую Божией Матери, прошу Учетно-организационное отделение Ю[ридического] о[тдела] Московского Совета разрешить мне перенести из нашего храма с крестным ходом в церковь Иоанна Предтечи, что на Малой Лубянке»<sup>10</sup>.*

Моссовет разрешил этот крестный ход, подчеркнув, что «ответственность за целостность и сохранность иконы возлагается на причт церкви св. Николая»<sup>11</sup>.

Иерусалимскую икону Богоматери из Христорождественской церкви подмосковного села Измайлова, очень почитавшуюся в тех местах, носили с крестными ходами по

окрестным селам. В мае 1920 года приходской совет Тихвинско-Алексеевской церкви в Крестовской слободе обратился в Моссовет с просьбой разрешить крестный ход в их село с Иерусалимской иконой: «по окончании весенних полевых работ местные жители сел Алексеевского и Ростокина ежегодно принимают чтимую икону Иерусалимской Богоматери из села Измайлова. Просим разрешения принести ее с крестным ходом и в настоящем году 27 мая»<sup>12</sup>. Церковно-приходской совет Введенской церкви села Черкизова просил разрешить принести в их храм Иерусалимскую икону 7 октября 1927 года, оставить ее до 12 октября и затем вернуть ее в Измайлово<sup>13</sup>. К заявлению прилагалась справка председателя церковно-приходского совета церкви Рождества Христова в Измайлове, подтверждающая, что приходской совет не возражает против переноса иконы<sup>14</sup>.

В некоторые московские церкви было принято приносить ковчег с частицей мощей великомученика Пантелеймона, находившийся в Пантелеймоновской часовне на Никольской улице. Так, прихожане Троицкой церкви в Троицком переулке просили Административный отдел Моссовета разрешить им принести в их храм чудотворную икону великомученика Пантелеймона и ковчег с его мощами 11–12 декабря 1926 года<sup>15</sup>. После того как ковчег с мощами был принесен в эту церковь, его по просьбе некоторых прихожан приносили к ним домой. Например, Екатерина Ивановна Иванова, жившая в 3-м Самотечном переулке, просила дать «разрешение на перенесение в мою квартиру из Троицкой церкви, 12 сего декабря, чудотворного образа св. вмч. Пантелеимона с ковчегом с частями его мощей»<sup>16</sup>. Прихожанами Троицкой церкви было подано несколько аналогичных заявлений. Анна Петровна Володина, жившая на Можайском шоссе, просила «разрешить принять мощи св. Пантелеимона»<sup>17</sup> в октябре месяце 2 числа в 11 часов утра»<sup>18</sup>.

Как и до революции, в квартиры некоторых москвичей приносили Иверскую икону Богоматери. Например, Борис

Федорович Гончаров, живший на Петровском бульваре, просил разрешения привезти Иверскую икону Богоматери к нему на квартиру 3 сентября 1925 года<sup>19</sup>. Стало быть, в то время московские верующие еще не опасались заявлять властям о своей религиозности. Десять лет спустя, в 1930-е годы, подобное было бы весьма маловероятно.

В те годы в Москве и ее окрестностях совершались и старообрядческие крестные ходы: подмосковные старообрядцы, почитавшие Иерусалимскую икону Богоматери, находившуюся в Покровском соборе на Рогожском кладбище, приносили ее в свои приходы. Так, 6 июля 1926 года Совет московской старообрядческой общины Рогожского кладбища просил разрешить крестный ход с Иерусалимской иконой в село Борисово, где находилась старообрядческая община<sup>20</sup>. Этот крестный ход, как и многие другие, совершался ежегодно.

Судя по всему, во второй половине 1920-х годов власти начали проявлять недовольство по поводу регулярно совершавшихся крестных ходов. Об этом свидетельствуют тексты заявлений приходских советов, уверявших, что принесенная икона будет находиться исключительно в храме, без традиционных хождений с ней по домам прихожан.

Например, приходской совет Спасской церкви на Большой Спасской улице просил разрешить привезти в храм с 30 января по 1 февраля 1927 года икону Богоматери из села Коломенского в закрытом автомобиле<sup>21</sup>. Указание на перевозку иконы в закрытом автомобиле должно было убедить Моссовет в том, что крестного хода не будет, и соответственно к иконе не будет привлечено внимание прохожих. Аналогичные формулировки нередко встречаются в заявлениях второй половины 1920-х годов.

Источники свидетельствуют, что в то время крестные ходы с чтимыми иконами редуцировались до перевозки иконы из одной церкви в другую. К этому выводу

приходит и клирик храма Ильи Обыденного протоиерей Николай Скурат, обстоятельно изучавший историю крестных ходов в после-революционной Москве:

*С 1922 года крестные ходы становятся чрезвычайно редкими и допускаются в исключительных случаях и в сельской местности. В этот период даже торжественные похороны священника на кладбище вдали от его прихода в черте Москвы запрещались. <...> Перенесение икон продолжалось еще достаточно долго (до конца 1920-х годов), поскольку строгих запретов на этот счет не последовало, но перенесение заставляли делать все более скрытым от народа образом – власти постепенно стали требовать перевозить иконы в закрытом виде<sup>22</sup>.*

Идея властей, о которой упоминает протоиерей Николай Скурат, подтверждается документом 1923 года. В циркуляре Отдела управления Моссовета № 89/с указывалось, что «перенесение икон с теми или иными целями безусловно должно быть поставлено в строгие рамки и уездные Отделы управления при выдаче разрешения на подобные свойства должны держаться одной линии. Разрешение на перенос иконы могут быть выдаваемы в случаях: когда верующие одного храма обращаются с просьбой перенесения иконы из другого и то только в храм, а не по домам; когда о перенесении икон в дом поступает ходатайство отдельного гражданина, а не от общества в целом; когда перенесение икон испрашивают в определенные праздники как-то: рождества, пасхи, троицы, спасова дня и в храмовые праздники, в которые перенесение предметов культа является ритуалом»<sup>23</sup>.

Мы видим, что крестные ходы ограничиваются датами церковных праздников – возможно, власти рассчитывали на то, что верующие ограничатся совершением крестного хода вокруг храма.

В этом документе отдельно говорится, что «разрешение на перенос икон не могут быть выдаваемы, когда церемониал перенесения икон может помешать общественной



жизни, личному движению и спокойствию, когда перенесение икон может послужить очагом заразы при многочисленных прикладываниях губами к ним в особенности в летнее время, наиболее эпидемическое»<sup>24</sup>. Кроме того, предписано «в отношении разрешения крестных ходов принять одну твердую линию поведения и таковые [разрешения] по возможности не выдавать, мотивируя свои отказы, что крестные ходы будут мешать общественной жизни, но в исключительных случаях крестные ходы разрешать при согласовании с уполномоченным М.Г.О.-Г.П.У. и УКОМОМ»<sup>25</sup>.

Этот документ в целом показывает, что хотя советское законодательство *de jure* не запрещало крестные ходы, *de facto* существовало негласное правило их запрещать. Такая двойственность религиозной политики была характерна не только для 1920-х годов — мы нередко встречаем ее отголоски и в послевоенное время. Постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года, допускавшее согласованные с властями крестные ходы, действовало до 1990 года, однако на практике ни при Хрущеве, ни при Брежневеве такие разрешения никому не выдавались.

*Продолжение следует*

*Петр Георгиевич Чистяков*

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Совета РСФСР и других советских социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбекской и Туркменской. Под ред. П. А. Красикова. Издание третье, вновь переработанное и дополненное узаконениями и распоряжениями по 15 мая 1926 г. М., 1926. С. 53.
2. Отделение церкви от государства. Дополнение к книге П. В. Гидулянова. М., 1929. С. 10.
3. Там же. С. 10–11.
4. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 215. Л. 241.
5. Там же. Л. 81.
6. Там же. Л. 238.
7. Там же. Д. 216. Л. 39.
8. Там же. Л. 40.
9. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 4. Д. 36. Л. 51.
10. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 215. Л. 13.
11. Там же. Л. 15.
12. Там же. Л. 66.
13. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 362. Л. 52–52 об.
14. Там же. Л. 53.
15. Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 19.
16. Там же. Л. 13.
17. Так в тексте.
18. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 362. Л. 67–67 об.
19. Там же. Оп. 4. Д. 36. Л. 332.
20. Там же. Л. 78.
21. Там же. Д. 38. Л. 119.
22. Скурлат Н., прот. Крестные ходы в Москве после революции 1917 года и их запрещение // Кадашевские чтения: Сборник докладов конференции. Вып. 8. М., 2011. С. 200.
23. ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 1. Л. 33.
24. Там же.
25. Там же.

## ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

### МОНАХИНЯ СЕРАФИМА (ОСОРГИНА)\* БЛАЖЕНИ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ

(ПО КНИГЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА  
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА)



**П**ростое объявление в газете... Те, кто не знал его, прочли, остановились на мгновение, подумали: «Бедный мальчик, совсем ещё маленький... всего 9 лет». Те, кто хотя бы случайно встречались с семьёй отца Бориса Старка

\* Монахиня Серафима (Осоргина Антонина Михайловна) родилась 1 июня 1901 года в имении Осоргиных в Калужской губернии. Отец — протоиерей Михаил Осоргин (умер в 1939 году), настоятель домовая церкви в Клараме под Парижем. Мать — Елизавета Трубецкая. Во Францию приехала с родителями в 1931 году. Преподавала литературу в основанной ей школе в Клараме. Составитель учебников грамматики русского языка и истории русской литературы. В 1970 году поступила послушницей в обитель Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси. Приняла монашеский постриг с именем Серафимы. Почила 25 декабря 1985 года в Покровском монастыре.





и знали Серёжика, с искренним участием подумали: «Как? Это сын того молодого священника, этот весёлый, здоровый мальчик с блестящими глазками? Как жаль! И что это была за болезнь?»

Для тех, кто имел счастье ближе знать этого здорового мальчика с блестящими глазами, слова этого объявления связаны с целым миром лучших, высших переживаний, заставивших сердце их мучительно сжиматься от страшной жалости и скорби, и в то же время приоткрывших перед ними на мгновение таинственную завесу, которая отделяет от нас небесный потусторонний мир,

куда ушёл от нас необыкновенный мальчик.

Я имела счастье знать его близко, любить его, имела счастье испытать на себе его детскую доверчивую привязанность и такую недетскую, глубоко чуткую ласку.

Помню нашу первую встречу в июле 1939 года. Летний солнечный день в Эленкур. В большой столовой русской колонии спешно накрывают столы, гремят посудой, стучат ножи, вилки. В большие открытые окна льётся солнечный свет, вдали, в голубой дымке, эленкурский горизонт. Я только что приехала и стою среди столовой, разговаривая с отцом Борисом. Вдруг в крайнем окне, в которое врываются крики детей, играющих в волейбол, появляется весёлая тёмная головка с необыкновенно сияющими, брызжущими шалостью глазами, цепляются за подоконник загорелые ручки.







— Серёжик! Слезай сейчас! — кричит отец Борис. — Сколько раз тебе запрещали в окно лазить!

Сияющая рожица быстро исчезает.

Как мы подружились, сблизилась — не помню. Только очень скоро он стал у нас, как свой. Отпрашивался гулять со мной и моими племянниками, убегал из колонии и появлялся у нас во все часы дня, с раннего утра, когда ещё я не была готова, и комната не убрана. Тук, тук, тук в дверь. «Кто там?» В щёлке появляется свежеемытое детское лицо, ласковое... чуть-чуть заискивающая улыбка — и нельзя не впустить, хотя и подметать пол нужно и торопиться в колонию... А Серёжик в одну минуту уже во всех трёх комнатах побывал, всё осмотрел и под кровать залез — что-то там интересное



увидал, и на чердак сбегал, и железку какую-нибудь сломанную разыскал и просит позволения взять её — и ни в чём нельзя отказать, и рассердиться на беспорядок нельзя, когда видишь эти лучистые глаза, эту такую подкупающую, детскую доверчивость.

Гулять с нами он очень любил. Его влекло к нам то, что мы своей семьёй гуляем, не как колония; привлекала большая свобода, привлекал маленький велосипед, на котором он по очереди с моим племянником катался и, к моему великому ужасу, летел сломя голову, без тормозов, с раскрасневшимися щеками, горящими глазами, с невероятным увлечением и задором. Привлекало его и то, что он чувствовал в нас что-то своё, родное — церковное. Знал, что мой отец священник. Знал, чувствовал, что я так же думаю, верю, того же направления, как и его родители.

Скоро он стал садиться ко мне на колени. Вдруг порывисто влезет, обовьёт руками шею, прижмётся всем своим крепеньким тельцем и так поцелует! «Ты хорошая!» — у меня сердце таяло.

Случилось так, что моё место за обедом оказалось на конце стола, против отца Бориса, его жены и Серёжика, который всегда сидел между родителями.



Отец Борис с детьми, Верой и Серёжей

Я спросила, почему Серёжа не сидит за детским столом, и тут узнала, что он уже несколько лет не ест мяса, и тут, в колонии, родители взяли его за стол взрослых во избежание осложнений. Он ел картофель, овощи, фрукты, макароны и, видимо, страдал, если в картофель попадал мясной соус. Мать его рассказала мне всю историю его отказа от мясной пищи. Ему было не больше трёх лет, когда на Рождество на ёлке ему подарили много шоколадных зверушек и печенья в виде зайчиков, барашков и т.д. Серёжик любил сладости и шоколад, как все дети, но зверьков есть не стал, бережно выбирал их из другого печенья, складывал в коробку и прикрывал ватой.

Через некоторое время он как-то был с матерью на базаре и, проходя мимо мясной, спросил: «Что такое мясо?» Пришлось ему объяснить. Вернувшись домой к завтраку, он

наотрез отказался от мясного блюда. Никакие уговоры и просьбы не подействовали. С этих пор никогда мяса и не ел. Но это не было отвращение к мясу, это было принципиальное решение. До этого Серёжик очень любил ветчину и телятину. Как-то он спросил: «А что ветчина — тоже мясо?» — «Да». — «Как жаль, я её так любил». Но больше никогда не попробовал. Рыбу он ел. («Почему же ты ешь рыбу, а мяса не ешь? Рыба тоже живая», — говорили ему. Серёжик отвечал: «Рыба не дышит воздухом»).

Родители боялись, что он ослабеет без мяса, пытались его обманывать. Долгое время уверяли, что сосиски делают из рыбы или же из какого-то «морского коня», который живёт в воде и не дышит воздухом. Сперва он верил, но потом, когда узнал, что сосиски — тоже мясо, горько плакал и упрекал родителей: «Зачем вы меня обманывали?»

Как-то Серёжик после обедни в церкви на ул. Дарю был в гостях у отца Николая. Отец Никон дал ему большой банан. Серёжик сидел, поглядывал на банан, но

не ел его и не трогал. Его несколько раз угощали. Наконец, мать говорит ему: «Что же ты не ешь банан?» Он ответил: «Вы меня опять обманываете! Она была гусеницей, и у неё оторвали лапки...»

Нет, это было не отвращение от мяса, это была любовь ко всему живому, ко всему, что «дышит воздухом» и имеет право на жизнь. Но вместе с тем Серёжик уже тогда знал, что монахи никогда не едят мяса и, главным образом, это и было у него монашеское решение. Твёрдый, сознательный отказ от мяса. Не вегетарианский, а монашеский взгляд: рыбу есть можно, ведь Спаситель ел рыбу.

Встреча с отцом Никоном сыграла большую роль в жизни Серёжика. Это был первый монах, с которым он сблизился и который стал его духовным отцом. Как маленький мальчик понимал монашеский путь, как он объяснял себе монашество? Один Господь это знает. Но решение стать монахом явилось у него естественным. И никогда ни о чём другом он не мечтал, не менял своего решения, как это часто делают дети. Он говорил своим родным:

— Я вас очень люблю, а всё-таки от вас уйду.

И это своё решение он держал в глубине своего сердца, не говорил о нём, так же как не говорил, почему он не ест мяса. Как-то ужасно стеснялся, если его об этом спрашивали или вообще обращали на это внимание.

Назван он был в честь великого подвижника и наставника русского монашества, но ему как-то ближе всех святых был преподобный Серафим. Он был ещё совсем маленьким, когда мать рассказала ему житие преподобного. С тех пор он постоянно говорил:

— Я хочу быть, как преподобный Серафим. Ведь преподобный Серафим ел одну травку, почему же я не могу? Я хочу быть, как он!

*Продолжение следует*



Отец Борис с детьми. Эленкур



**СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА****ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ**

ПРАЗДНИК ПЕРЕНЕСЕНИЯ ЧЕСТНЫХ МОЩЕЙ СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ИНОКИНИ АННЫ КАШИНСКОЙ .....	2
ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В СВЯТО-ТРОИЦКУЮ СЕРГИЕВУ ЛАВРУ И ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА АБРАМЦЕВО .....	6
МОЛЕБЕН В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА РОЖЕСТВА ИОАННА ПРЕДОТЕЧИ В ВЕРТЯЧЕВЕ .....	9

**ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ**

СТОЛЕТИЕ СООРУЖЕНИЯ ПЕРВОГО ХРАМА В ГОРОДЕ ИРИ (ОКОНЧАНИЕ) .....	10
--	----

**ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ**

ИСТОРИЯ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ПРИХОДА СЕЛА САРЫ ОРСКОЙ ЕПАРХИИ Священник Петр Самохин. Воспоминания из жизни в расколе (ПРОДОЛЖЕНИЕ) .....	19
--	----

**ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ**

П.Г. ЧИСТЯКОВ. Главы из книги о чудотворной иконе Божией Матери Иерусалимской. Крестные ходы в Москве и Московской губернии в 1920-е годы (ПРОДОЛЖЕНИЕ) .....	27
--	----

**ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ**

МОНАХИНЯ СЕРАФИМА (ОСОРГИНА). Блажени чистые сердцем .....	34
--	----

**Издание Михаило-Архангельской единоверческой общины**

Главный редактор: священноархимандрит Иринарх (Денисов)

Ответственный за выпуск: протоиерей Евгений Сафранча

Дизайн и верстка: Я. Хорева

Корректоры: Н. Яшина, П. Чистяков, В. Каменская

Фотографы: Г. Бибик, М. Верялин, прот. Е. Сафранча, также использованы фотографии,  
предоставленные Р. Востриковой

Дорогие читатели, низайше просим вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.